

уголовно- процессуальное право

ТЕМА:
полномочия прокурора

Уточнение обвинения или его фактическое увеличение

Как вернуть уголовное дело
прокурору?

**Анастасия
Городова**
АДВОКАТ АП МОСКОВСКОЙ
ОБЛАСТИ, КА «МОНАСТЫРСКИЙ,
ЗЮБА, СТЕПАНОВ И ПАРТНЕРЫ»

Сторона защиты нередко сталкивается с превышением прокурором полномочий по распоряжению обвинением. Согласно ультимативному, на первый взгляд, положению уголовно-процессуального законодательства судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению (ч. 1 ст. 252 УПК РФ). Однако пробелы в расследовании и успехи стороны защиты в доказывании несостоятельности обвинительной фантомы побуждают государственного обвинителя к заявлению ходатайства об изменении фактической составляющей обвинения (чаще всего прокуроры ссылаются на ч. 7 и 8 ст. 246 УПК РФ).

Пленум Верховного Суда РФ предпринял попытку сформулировать критерии допустимости фактического изменения прокурором обвинения в судебном разбирательстве, указав, что нарушением следует считать «всякое иное изменение формулировки обвинения (выделено автором. – Прим. ред.) <...> если при этом нарушается право подсудимого на защиту»¹, что, является, по моему мнению, крайне размытой формулировкой.

Представляется, что защитник сможет разобраться в том, превысил ли прокурор свои обвинительные полномочия или же действовал в рамках дискреции, допускаемой законодателем, лишь выявив четкие критерии допустимости фактического изменения обвинения в судебном разбирательстве.

При этом полагаю, что в случае выявления несоответствия ходатайства прокурора данным кри-

териям у защитника появляется закономерное и обоснованное право на заявление ходатайства о возврате уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, с которым суд вынужден будет согласиться.

Далее изложен авторский подход к содержанию подобных критериев, основанный на собственном опыте и проведенном анализе судебной практики. Также дана линия аргументации, способствующая увеличению перспектив удовлетворения судом ходатайства о возврате уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ.

СТРОГО В ПРЕДЕЛАХ ПРЕДМЕТА ДОКАЗЫВАНИЯ

Изменение фактической составляющей обвинения допустимо лишь путем ее конкретизации (уточнения) прокурором строго в пределах предмета доказывания.

Как разъяснил Конституционный Суд РФ, фактический объем обвинения составляют установленные по уголовному делу факты, «которые свидетельствуют о совершении обвиняемым общественно опасного и противоправного деяния как оснований его уголовной ответственности»².

Оценивая законность ходатайств прокуроров об изменении фактической составляющей обвинения, суды нередко указывают на то, что подобные действия государственного обвинителя соответствуют ст. 246 и ч. 2 ст. 252 УПК РФ, если не влекут за собой изменения фактических обстоятельств предъявленного обвинения, не увеличивают ни его объем, ни количество действий подсудимого, а лишь конкретизируют их³.

Следовательно, любое увеличение обвинения по фактам недопустимо, в то время как его уточнение (конкретизация) в судебном разбирательстве вполне возможны.

Где проходит тонкая грань между увеличением обвинения и его конкретизацией (уточнением)? Дать ответ на этот вопрос, как показывает практика, – это нелегкая задача для судов.

Вместе с тем именно четкое определение условия данного разграничения и является лакмусовой бумажкой, assistирующей защите в установлении фактов превышения государственным обвинителем

своих полномочий по распоряжению обвинением.

Как справедливо указал Суздальский районный суд Владимирской области⁴, «в рамках рассмотрения уголовного дела в суде не представляется возможным изменить обвинение, место и время совершения деяния, если в результате этого изменяется его суть и предмет доказывания».

Таким образом, уточнение фактической составляющей обвинения никак не может предполагать изменения предмета доказывания либо выход за его пределы.

Так, например, увеличение периода совершения преступления однозначно рассматривается судами как недопустимое увеличение фактического объема обвинения, так как меняет предмет доказывания⁵. В то же время как уточнение времени совершения преступления в пределах исходного временного периода, установленного в обвинительном заключении, является вполне допустимым⁶.

Следовательно, государственный обвинитель вправе менять обвинения только путем его конкретизации (уточнения), не предполагающей изменения предмета доказывания (исходного объема обвинения).

ПОВОРОТ К ХУДШЕМУ ЗАПРЕЩЕН
Изменение фактической составляющей обвинения допустимо лишь при строгом соблюдении запрета поворота к худшему и при наличии достаточных условий на реализацию подсудимым права на защиту.

Часть 2 ст. 252 УПК РФ содержит запрет поворота к худшему: изменение обвинения в судебном разбирательстве допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого.

Несоблюдение правила о недопустимости поворота к худшему в данном случае предполагает, что обвинение по своей фактической составляющей меняется настолько, что подсудимый может быть не готов к защите от него. В свою очередь принцип обеспечения обвиняемому права на защиту требует, чтобы обвиняемый имел достаточное время и возможности для подготовки к защите от предъявленного обвинения, а не какого-то иного.

В этой связи примечательно, что действовавший до июня 2021 г. Приказ Генпрокуратуры России от 25 декабря 2012 г. № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» содержал в п. 7 требования, обязывающие прокуроров при изменении ими обвинения на отличающееся по фактическим обстоятельствам от предъявленного ходатайствовать о перерыве в судебном заседании для предоставления стороне защиты возможности подготовиться к новому обвинению. При этом действующий в настоящее время Приказ Генпрокуратуры России от 30 июня 2021 г. № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» аналогичного по смыслу положения уже не содержит.

Между тем анализ судебной практики позволил выявить, какие именно условия должны быть соблюдены в судебном заседании, чтобы удовлетворение судом ходатайства прокурора об изменении обвинения соответствовало запрету на поворот к худшему и не затронуло право подсудимого на защиту.

Во-первых, подобное ходатайство государственного обвинителя обязательно должно обсуждаться сторонами, подсудимому должна быть предоставлена возможность выразить свое отношение к «новому обвинению»⁷.

Во-вторых, подсудимый не должен быть лишен права на представление новых доказательств, повторный допрос уже допрошенных к моменту заявления государственным обвинителем ходатайства свидетелей⁸.

Именно поэтому заявление прокурором подобного ходатайства на этапе судебных прений без одновременного заявления ходатайства о возобновлении судебного следствия является недопустимым.

Особо отмечу, что даже сужение фактического объема обвинения, на первый взгляд, якобы свидетельствующее об изменении в благоприятную сторону, может нарушать правило запрета поворота к худшему.

Довольно распространенной является практика, когда государственный обвинитель стремится сузить фактический объем обвинения путем указания на непричастность подсудимого к ряду действий, входящих в объективную сторону, по причине исследования в судебном следствии доказательств, свидетельствующих об отсутствии подсудимого в то время и в том месте, где, согласно фантомы обвинения, данные действия совершались.

Фактически происходит подмена понятий, за изменением обвинения здесь скрывается механизм частичного отказа от обвинения. Подобное построение логики фактического изменения обвинения является некой процессуальной хитростью: фактический объем

обвинения уменьшается, но одновременно с этим меняется время и место совершения преступления – путем изменения объема действий, входящих в объективную сторону инкриминируемого подсудимому преступления.

Однако подобная ситуация также требует создания всех необходимых условий для реализации подсудимым права на защиту, о чем и государственное обвинение, и суд нередко забывают.

Исходя из изложенного, удовлетворение судом ходатайства государственного обвинителя об изменении фактической составляющей обвинения без возвращения уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ возможно, только если оно носит исключительно уточняющий / конкретизирующий характер в пределах исходного объема обвинения и подсудимому действительно предоставляется время и все предусмотренные законом средства на защиту от «нового» обвинения.

При выявлении защитником хотя бы одного из критериев, свидетельствующих о превышении государственным обвинителем своих полномочий по распоряжению обвинением, а именно при:

- увеличении прокурором фактического объема обвинения, влекущем изменение предмета доказывания;
- изменении прокурором фактической составляющей обвинения

в отсутствие условий для реализации подсудимым права на защиту, у защитника появляется закономерное и обоснованное право на заявление ходатайства о возврате уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ.

Однако и на данном этапе у стороны защиты могут возникнуть определенные трудности с построением корректной линии аргументации.

ПРЕДЛАГАЕМЫЕ АРГУМЕНТЫ

Линия аргументации, способствующая увеличению перспектив удовлетворения судом ходатайства о возврате уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ.

Как уже указывалось выше, стремление прокурора изменить обвинение всегда обусловлено проблемами в работе следствия, влекущими за собой несостоятельность обвинительной фобулы.

В связи с этим нельзя не упомянуть, что начиная с 1999 г. Конституционный Суд РФ планомерно и целенаправленно искоренял связь механизма возврата уголовного дела прокурору с восполнением пробелов предварительного расследования.

Фактически орган конституционной юстиции провозгласил запрет на возвращение уголовного дела при наличии оснований для изменения обвинения⁹.

В настоящий момент механизм возврата уголовного дела в порядке ст. 237 УПК РФ может сработать

только при выявлении нарушений уголовно-процессуального закона, ущемляющих права участников судопроизводства и препятствующих рассмотрению уголовного дела по существу¹⁰.

Вследствие изложенного выше у защитника может возникнуть закономерная озабоченность при формулировании аргументации для возврата уголовного дела в порядке ст. 237 УПК РФ.

Однако непосредственно заявление прокурором ходатайства об изменении фактической составляющей обвинения, не отвечающее вышеуказанным критериям, т.е. направленное на изменение предмета доказывания, уже свидетельствует о наличии оснований для возврата уголовного дела в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ.

Озвученная прокурором необходимость фактического изменения обвинения автоматически порождает неопределенность в сформулированном органами предварительного следствия обвинении и нарушает право подсудимого знать, в чем он обвиняется.

Именно в связи с этим обвинительное заключение следует признать составленным с нарушениями требований УПК РФ, препятствующими постановлению судом на основе данного заключения приговора или вынесению иного решения, отвечающего принципу справедливости¹¹.

Вместе с тем отметим, что, несмотря на провозглашенный Конституционным Судом РФ вышеуказанный запрет, актуальная судебная практика иллюстрирует существенные от него отступления.

Так, например, проверяя законность возвращения нижестоящим судом уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, Московский городской суд указывал, что «суд первой инстанции пришел к обоснованному выводу о возвращении дела прокурору, так как изменение обвинения судом приводит к увеличению предъявленного обвинения и будет связано с восполнением неполноты предварительного следствия»¹². Иными словами, суд констатировал, что допущенное нарушение связано с неполнотой предварительного следствия, однако непосредственно суд восполнить выявленные пробелы не вправе, в связи с чем уголовное дело подлежит возврату прокурору (именно для восполнения пробелов).

Тем не менее, на мой взгляд, наиболее перспективной представляется вышеизложенная аргументация, основанная на современном подходе к пониманию правовой природы института возвращения уголовного дела прокурору и не идущая вразрез с давно установившимися разъяснениями Конституционного Суда РФ.

¹ См. п. 20 постановления Пленума ВС РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре».

² Определение КС РФ от 10 февраля 2016 г. № 226-О.

³ См. определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 11 августа 2022 г. № 77-4004/2022, кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 2 августа 2021 г. № 77-2352/2021.

⁴ Постановление Суздальского районного суда Владимирской области от 7 октября 2022 г. по делу № 1-92/2022 (уголовное дело возвращено прокурору на основании п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ).

⁵ Определения Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 16 апреля 2020 г. по делу № 77-342/2020, Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 9 июля 2020 г. по делу № 77-1098/2020 (обжалуемые судебные акты отменены, уголовные дела переданы на новое судебное рассмотрение).

⁶ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 17 марта 2020 г. по делу № 77-302/2020 (обжалуемые судебные акты изменены), обвинительный приговор Октябрьского районного суда г. Пензы от 3 августа 2021 г. № 1-410/2021.

⁷ Обзор судебной практики по уголовным делам за июль 2020 г. (подготовлен Белгородским областным судом, см. раздел «Процессуальные вопросы»), кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 2 июня 2022 г. по делу № 77-2591/2022 (обжалуемые судебные акты отменены, уголовное дело передано на новое судебное рассмотрение).

⁸ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 1 сентября 2021 г. № 77-4139/2021 (обжалуемые судебные акты оставлены без изменения, кассационная жалоба без удовлетворения).

⁹ Постановление КС РФ от 20 апреля 1999 г. № 7-П, определения КС РФ от 3 февраля 2000 г. № 9-О, от 7 июня 2011 г. № 843-О-О.

¹⁰ См. п. 14 постановления Пленума ВС РФ от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

¹¹ Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Крым от 20 июля 2020 г. № 22-1738/2020 (постановление суда первой инстанции о возврате уголовного дела в порядке ст. 237 УПК РФ оставлено без изменения, апелляционное представление без удовлетворения).

¹² Апелляционное постановление Московского городского суда от 7 июля 2022 г. по делу № 10-14272/2022 (постановление суда первой инстанции о возврате уголовного дела в порядке ст. 237 УПК РФ оставлено без изменения, апелляционное представление без удовлетворения).

В ЭЛЕКТРОННОМ ВЫПУСКЕ

В № 4 (381) на advgazeta.ru опубликованы комментарии к статье Анастасии Городовой:

1) Нянькин А. Применение института изменения обвинения следует ограничить. В контексте соблюдения не только права на защиту, но и прав потерпевшего вообще;

2) Китсинг В. Когда суд удовлетворит ходатайство прокурора. Уточнение обвинения возможно без возвращения уголовного дела, если это действительно уточнение в пределах исходного объема.

9 февраля. Тверской районный суд г. Москвы изготовил мотивированное решение от 5 декабря 2022 г. (имеется у «АГ»), которым он взыскал с Минфина России компенсацию морального вреда в размере 350 тыс. руб. в пользу адвоката АП г. Москвы Александра Лебедева в качестве реабилитации за незаконное уголовное преследование по обвинению в воспрепятствовании правосудию и производству предварительного расследования (ч. 1 ст. 294 УК РФ). В частности, суд указал, что принимал во внимание обстоятельства привлечения адвоката к уголовной ответственности, категорию обвинения, срок меры пресечения, степень нравственных страданий, причиненных незаконным уголовным преследованием, а также требования разумности и справедливости. Напомним, 5 декабря 2019 г. суд вынес в отношении адвоката оправдательный приговор, который вступил в законную силу 6 июля 2020 г. (см. подробнее: «АГ». 2021. 19 (348); «АГ». 2019. № 24 (305)). Александр Лебедев выразил удовлетворение решением суда, посчитав самым важным признание того, что незаконное уголовное преследование причинило ему моральный вред.

9 февраля. В Государственную Думу ФС РФ 7 февраля внесен законопроект № 291794-8 об изменении ст. 30 УПК РФ в части исключения уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ч. 4 ст. 210 и ст. 210.1 УК РФ, из компетенции суда с участием присяжных. Эксперты «АГ» не поддержали законопроект. Советник ФПА РФ Сергей Насонов также критически отнесся к инициативе. Он обратил внимание, что доводы, приведенные в пояснительной записке, представляются юридически ничтожными и не основанными на практике рассмотрения подобных категорий дел судом с участием присяжных заседателей. Адвокат пояснил, что процедура надления лица статусом занимающего высшее положение в преступной иерархии не является юридической (не урегулирована законом), а представляет собой набор обычаев, т.е. совершается в форме самых обычных действий. Поэтому установление этих фактов присяжными заседателями не требует никаких юридических познаний и «высокопрофессиональной правовой оценки».

8 февраля. Государственная Дума ФС РФ 7 февраля в третьем чтении приняла закон (законопроект № 86110-8), вносящий изменения в ст. 13 и 108 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», направленные на расширение круга лиц, у которых может быть организована практическая подготовка студентов. В частности, в п. 2 ч. 7 ст. 13 Закона будет зафиксировано, что к организациям, осуществляющим деятельность по профилю соответствующей образовательной программы, приравниваются адвокаты, учредившие адвокатские кабинеты, ИП, нотариусы, занимающиеся частной практикой, а также иные лица, чья профессиональная деятельность в соответствии с федеральными законами подлежит государственной регистрации и (или) лицензированию. Ранее (см.: «АГ». 2021. № 23 (352)) президент ФПА РФ Светлана Володина отмечала, что практика учащихся является очень важной частью образовательного процесса. К этой части приковано огромное внимание, поскольку за счет прохождения практики формируются навыки, вытекающие из получения знаний. «Для адвокатуры очень важно, чтобы любые адвокатские образования, в том числе адвокатские кабинеты, могли принимать студентов и проводить обучающую практику», – подчеркивала она.

8 февраля. В Верховный Суд Кабардино-Балкарской Республики 7 февраля была направлена апелляционная жалоба на приговор, вынесенный в отношении адвоката АП КБР Ратмира Жилокова. Напомним (см.: «АГ». 2023. № 3 (380)), 23 января Урванский районный суд Кабардино-Балкарской Республики вынес приговор Ратмиру Жилокову, который обвинялся в применении насилия в отношении представителя власти (ч. 1 ст. 318 УК РФ). Суд признал его виновным и назначил наказание в виде реального лишения свободы на 1,5 года. Защитник Ратмира Жилокова, советник ФПА РФ, член Совета АП Белгородской области Борис Золотухин отметил, что в таком виде и с таким содержанием приговор коллеге не имеет права на существование, поскольку является не актом правосудия, а беспрецедентным актом судебного произвола по легитимизации полицейского и следственного беспредела.

7 февраля. Конституционный Суд РФ опубликовал Обзор за четвертый квартал 2022 г., в который включены 24 постановления и 11 определений. Традиционно документ содержит судебные акты, относящиеся к конституционным основам публичного и частного права, трудового законодательства и социальной защиты, к основам уголовной юстиции. В одном из постановлений КС РФ ограничил срок действия запрета на представительство в суде лица, статус адвоката которого прекращен в связи со вступлением в законную силу приговора о признании его виновным в умышленном преступлении.